Слов избегая приблизительных,
Держа сомнение в тисках,
Я чувств высоких и пронзительных
Истоки тайные искал...

Неразделённых. Незасвеченных.
Не выносимых напоказ.
Пускай глухих и покалеченных.
Почти невидимых для глаз...

Не предаваемых забвению.
Не возносимых там и тут...
Они уйдут, как поколение.
Недостижимыми умрут...

Старик лежал под образами,
Не узнавая никого.
Мадонна с грустными глазами
Смотрела сверху на него.

Христа-младенца обнимала.
Он к ней головкою приник.
Она как будто понимала:
Весь путь земной прошёл старик...

Пусть не геройский, но достойный.
Не стал скотом и подлецом.
Он был когда-то парнем стройным
И походил на мать лицом...

— А это — добрая примета!
Твердили бабки у крыльца.

Но не дождался лишь привета
От вероятного отца.

Искать его — себе дороже.
Мать скрыла тайну от подруг.
Он точно не был сыном Божьим —
Таких ведь тысячи вокруг!

И можно только подивиться,
Как на одной шестой Земли
Их то мадонны, то блудницы
На белый свет произвели!..

Мы маемся и мечемся.
Бранимся сгоряча.
И думать об Отечестве
Нам некогда подчас...

С любимыми и жёнами
У нас напряжено.
Уж слишком протяжённое
И разное оно...

Глядим вокруг с опаскою,
И хмуримся с утра.
А где-то башня Спасская,
Поклонная гора.

Украдкою обедаем.
Для пиршеств нет причин.
О прошлом мы не ведаем,
О будущем молчим...

Ничем не восторгаемся,
И горьких слёз не льём.
Живём, как полагается,
В Отечестве своём...

Скажу открыто. Внятно. Зычно.
Не угождая никому —
Неисправимый я язычник,
И видно это по всему.

Подобных казусов немного.
Но никого не бросит в дрожь,
Что свято верю я в Сварога,
Перуна, Велеса, Мокóшь...

Они — моей души мерило.
Её природная купель.
Животворящее Ярило,
Купала, Ладо, Хорс и Лель...

Других кумиров мне не надо.
И чуждой веры не приму.
А развесёлого Коляду
Я к сердцу ласково прижму...

И от отцовского порога,
Родимым воздухом дыша,
Гуляет милостью Даждьбога
Моя славянская душа...

Неостывшей окалиной
Догорает закат...
А в лесу, на прогалинах,
Отшумел листопад...

Над рекой безымянною
Обнажились кусты...
На укромных полянах
Зябкий сумрак застыл...

Слышу — скрипы и шорохи
Завели хоровод...
И далёкие сполохи
Обнесли небосвод...

День ушёл, обессиленный,
В бликах робких зарниц...
Тишина над Россиею
Без конца и границ...

Чародеем, кудесником слова
Кто не жаждет остаться в веках?
И не думать о прозе суровой,
Оправданий себе не искать?

Петь да петь. Как залётная птаха
Заливается всласть и взахлёб...
А из сереньких перьев рубаха
Составляет одежду её...

Эти трели. Рулады. Коленца...
Звонкий посвист — и воздух гудит...
И твоё откликается сердце.
А потом замирает в груди...

И всего-то — слияние звуков.
Их напор. Череда. Частота...
Тебе грезится сладость и мука...
Глубина. Красота. Чистота...

Нет ни слов. Ни намёков. Ни жестов...
Почему же всё внятно тебе?
Ничего нет дороже волшéбства
В незадачливой нашей судьбе...

От этих строк исповедальных
Не отрекаюсь ни на миг:
Я ключ нашёл с водой кристальной,
И, жаждой мучимый, приник...

Прозрачный. Чистый. Потаённый.
Среди расщелин и коряг...
На кромке мхов его зелёных
Росинок маковки горят...

С журчаньем робким, еле слышным,
На что он может уповать?
Но кто осмелится облыжно
Его отверженным назвать?

И, преклонив пред ним колена,
Пытаюсь рифму разбудить...
Похож ли он на Иппокрену?
Не мне, заблудшему, судить.

Веру чудом не пресытишь.
А скорей — наоборот.
Кто не знает город Китеж
Посреди озёрных вод?

Город славный. Город чудный.
Спят давно его творцы.
Не стояли в нём лачуги,
Только храмы и дворцы.

Город дивный. Город древний
Тайной силой обладал.
Ни одной вокруг деревни,
Только стены и вода...

Пробегал ли зверь рыскучий,
Путник страждущий бродил —
В глубине лесов дремучих
Светлый образ находил...

Незаметно и случайно —
Как награда за труды —
Открывался взору тайно
Город в зеркале воды...

Красотой дворцов блистая
Поражал всех наповал.
Появился и... растаял.
Словно вовсе не бывал...

Кто увидит — не поверит.
Не игра ли облаков?
А волна кидает в берег
Пену лёгкую веков...

Вот такая история —
Может, им повезло,
Что стоит в Горной Шории
Староверов село?

Мужиков основательных.
Осмотрительных баб.
Слов не слышно ругательных.
Каждый телом не слаб.

Спасу истово молятся.
Древний жалуют стих.
И весь мир за околицей
Прост и ясен для них.

Вся земля наша, тесная,
На китах возлежит.
А на своде небесном
Солнце бодро кружит...

Утомляясь под вечер,
В бездне тонет морской.
Звёзд далёкие свечи
Зажигает Господь...

Тихо всё. Нерушимо.
И согласно пока.
Там легко и незримо
Пролетают века...

Над полусонною протокой
Плыла июльская жара...
Она сморила нас настолько —
Лень было стукнуть комара...

И осы вкрадчиво зудели.
Застыл на ветке мотылёк.
Из глубины сомы глядели,
Но чей-то голос нас привлёк...

Где берега смыкались узко
И зелень девственно чиста,
На камень села трясогузка,
Колебля перышки хвоста...

Короткий свист издав аккордом
И сделав крошечный скачок,
Она чуть-чуть смочила горло,
И всё ей стало нипочём...

А где-то тайно зрели грозы.
Их зной настойчиво просил.
Звенели крыльями стрекозы,
И шмель встревоженно басил...

Встреча в Царском Селе

Как ждали там его приезда
Все лицеисты. И Антон
Застыл на лестнице, в подъезде,
Открылась дверь — явился ОН...

Нетвёрдой, старческой стопою
Поэт неспешный сделал шаг...
А Дельвиг, видя пред собою
Живой кумир, едва дышал...

Тая в душе мечту былую:
Минуту дерзкую украсть
И благодарным поцелуем
К руке Державина припасть...

Он торопил себя недаром,
Пока чужой не видел глаз...
Но вдруг поэт спросил швейцара:
— Где, братец, нужник тут у вас?..

В заштатном, глухом городишке,
Вдали от столичных забот,
Всё кажется мелким и лишним
И духом забытым живёт...

Надежд тут пустых не питают.
За счастьем вдогонку не мчат.
Неброские дни коротают.
Калитки привычно стучат...

Здесь любят цветы и заборы.
Рябину близ светлых окон.
И на ночь завешивать шторы —
Святой и суровый закон.

Вон ветер бельишко полощет,
И прячутся куры к дождю.
Красуется пыльная площадь
И памятник старый вождю.

По праздникам ушлый народец
Пьёт пиво в стеклянном ларьке —
Глядит на них лысый уродец
И тискает кепку в руке...

Вьюга пляшет и воет.
Заметает дома...
В нашей комнате двое.
И кромешная тьма...

Мы сидим, как улитки,
И согласно молчим.
Незакрытой калиткой
Дерзкий ветер стучит...

Рвёт непрочную крышу.
Ищет двери проём.
Мы сидим и не слышим —
Хорошо нам вдвоём...

А над горами и долами
Небес пронзительная синь...
Берёз клубится жёлтый пламень
Меж елей, вязов и осин...

Ручей бормочет у плотины,
Листвой опавшею прижат...
И нити зыбкой паутины
В прозрачном воздухе кружат...

Я знаю — будут в серебре
Стоять деревья.
Преобразится в декабре
Моя деревня.

Алмазов будет полон двор.
Хрусталь под крышей.
Сугробы лягут под забор
Периной пышной.

Дым заструится над трубой
Витиевато.
И будут шубы нам с тобой
Великоваты...

Я не ходил дорогой торной —
Свою тропу предпочитал.
И монумент нерукотворный
Себе воздвигнуть не мечтал.

Не только в дружеской беседе
Откроюсь я пред вами здесь —
В граните, мраморе и меди
Воплощена людская спесь.

Пускай на цоколе бетонном
Торчит кумир очередной,
А будь он пешим или конным —
Досадно это и смешно.

Но если бронзовым величьем
Он чьи-то головы вскружил —

Помёт его украсит птичий —
Он это честно заслужил...

Однажды я побывал в городе-государстве Сингапуре...

Гроза как будто миновала.
Нас не спугнув, не замочив...
И солнце в облачных провалах
Дробило жаркие лучи...

А всё вокруг дышало зноем
Иных, тропических, широт.
Экватор был передо мною
Среди немыслимых щедрот...

Какие краски! Ароматы!
А пальмы с замшевым стволом!..
И океана голос внятный
За каждым слышится углом...

Соседи смуглые не грубо
Нас окружают и теснят.
Своей улыбкой белозубой
Привычно, походя дразня...

Вот-вот вдали закат потухнет.
Луна над морем заблестит.
И злачный вид восточной кухни
Пробудит мигом аппетит...

Но небосвод опять нахмурен,
Накрыл весь город пеленой...
И в легендарном Сингапуре
Ударил дождик проливной...

Храмик тот индийский
Вовсе не дворец.
Крохотный и низкий —
Вылитый ларец.

На его фасаде
Жизнь кипит ключом:
Боги в тонких сари
И к плечу плечом.

Голые по пояс
И в улыбке рот —
Чтоб, не беспокоясь,
Шёл туда народ...

Сам трехликий Вишну
Трижды рассмешит:
Что бы там ни вышло —
Стоит жить и жить...

Шестирукий Шива
Укрощает нрав:
Жизнь полна ошибок —
Не ленись, исправь...

А Ганеш сметливый,
С головой слона,
Подмигнёт игриво —
Жизнь грехов полна...

Царь же обезьяний,
Хитрый Хануман,
Отрицать не станет:
Жизнь — сплошной обман!

Дух резкий и пряный
Нас вдруг задержал —
Плоды дуриана
Навалом лежат...

На улочке узкой
Пахучей горой...
И светятся тускло
Шершавой корой...

Торговцы-малайцы
Истошно орут —
Прохожий, кидайся!
Не то разберут!

Как видно, изыскан
Вонючий продукт.
И люди без риска
На голос идут...

Нагнутся. Присядут.
Потрогают плод...

И в лёгкой досаде
Кривится народ...

Мол, как его точно
Проверить на вкус?
(Вы словно чесночный
Берёте арбуз.)

И молча китайцы
Теснятся к огню,
Но выбрать пытаются
Только на нюх...

Блаженно вдыхают.
(Нам их не постичь.)
Вокруг затихает
Настойчивый клич...

Она так истово молилась,
Держа ладони пред собой...
И свечи тонкие курились...
Витал дымок над головой...

Неслышно губы бормотали,
Глаза смотрели не смигнув.
И посторонние детали
Её не трогали одну...

Ни суета. Ни говор резкий,
Что обнимал её кольцом...
Всем окружающим в отместку —
Она молилась к ним лицом...

Греховных мыслей не скрывая,
Богов настойчиво моля...
Шумела улочка кривая,
Народ скучающий гулял...

Так впечатляющ и неистов
Был тот молитвенный восторг!..
Глазели праздные туристы
На экзотический Восток...